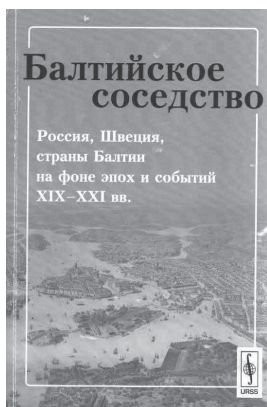

М. Б. Ильичева

Рецензия на сборник статей
«Балтийское соседство: Россия,
Швеция, страны Балтии на фоне
эпох и событий XIX–XXI вв.»¹

**Ильичева
Мария Борисовна,**
кандидат
исторических наук,
доцент, Мурманский
арктический
государственный
университет
(Мурманск, Россия)

Балтийский регион всегда играл особую роль в истории европейских народов — и как цивилизационная зона, и как зона сотрудничества и конфликтов. Его значение усилилось в XX в. Однако научное осмысление балтийского феномена началось только в последние десятилетия, когда назрела необходимость более широкой, выходящей за национальные рамки интерпретации исторических процессов в регионе. Ученые в разных странах поставили вопрос о факторах, объединяющих балтийские народы или, напротив, вносящих в их отношения противоречия. Постепенно сложилось сообщество историков, работающих в данном исследовательском поле, и в 2010 г. был начат совместный проект ученых России, Швеции, Латвии и Эстонии «Балтийское соседство». Его целью стало изучение «важных аспектов взаимоотношений и взаимодействия стран и народов региона» (С. 9). Уже в июне 2011 г. состоялась первая конференция в рамках этого проекта — «Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.». Материалы этой конференции легли в основу рецензируемого сборника. Они включают разные по тематике статьи, охватывающие значительный период времени.

Открывающая сборник статья доктора исторических наук В. В. Рогинского (Институт всеобщей истории РАН) «Изменение политической карты Балтийского региона в эпоху Наполеоновских войн»² посвящена анализу места Северной Европы в международной политике начала XIX в. Автору удалось в сжатой форме показать масштаб перемен, охарактеризовать их основные направления и обозначить дальнейшие перспективы развития новой геополитической обстановки в этой части Европы. В. В. Рогинский считает «первым актом перестройки политической карты региона» включение в состав Российской империи Финляндии в качестве автономного Великого княжества (С. 20). Эта перестройка оказалась столь серьезна, что радикально изменила расстановку сил в Северной Европе и определила на столетие вперед особенности политического развития скандинавских стран и их соседей. Главным событием стал выход Норвегии из унии с Данией и образование союзного Шведско-Норвежского государства, появление

новой династии Бернадотов на шведском престоле и усиление роли России в регионе. Именно эти вопросы находятся в центре внимания автора. Знакома читателя с перипетиями политической интриги за кулисами борьбы в Скандинавии, он подробно анализирует цели ее участников, их интересы и ожидания, наконец, итоги этой борьбы. По мнению В. В. Рогинского, «события на Севере Европы 1805–1815 гг. были решающими для создания новой политической архитектуры региона как составной части Венского системы международных отношений»; при этом «североевропейская компонента этой системы оказалась более стабильной». Автор подчеркивает, что события этого периода «означали потерю скандинавскими государствами, Швецией и Данией, своей прежней... роли как определенного силового фактора в политике, который в XVIII в. еще использовался великими державами» (С. 25). Кроме того, изменился не только статус, но и, в определенной степени, вектор политического развития Норвегии и Финляндии — благодаря изменению конституционной системы, и историк сравнивает положение этих двух государств в составе новых для них союзов. Автор отмечает прямую связь событий Наполеоновской эпохи с современностью: «...в Северной Европе мы видим три таких свидетельства нематериального характера — Финляндское государство, которое обязано своим рождением событиям русско-шведской войны 1808–1809 гг., династию Бернадотов на троне Швеции... и, наконец, действующую и поныне конституцию Норвегии» (С. 27).

Международной политике посвящено еще несколько статей сборника. Доктор истории М. Ильмярв (Институт истории Таллинского университета) в статье «Кризис в Чехословакии и страны Балтии в 1938 г.»³ обращается к одной из острейших тем в истории международных отношений XX века, чтобы проанализировать ее с позиций Балтийских государств. Рассматривая сложный узел противоречий, завязавшийся вокруг чехословацкого кризиса, автор глубоко вникает в особенности международного права, действовавшего в то время, интересы стран, участвовавших в этих событиях, геополитическую обстановку. Он отмечает уже явно проявившуюся к 1938 г. слабость Лиги Наций, противоречивость ее решений и позиций ее членов по проблеме безопасности. Политика Германии привела к тому, что малые страны, в том числе государства Балтии, оказались перед сложным выбором: сохранить верность Уставу Лиги Наций, выполнив его требования применения санкций в отношении агрессора — или, оставшись формально нейтральными в опасной игре, ценой уступок Германии обеспечить себе хотя бы временную безопасность. Такая ситуация потребовала от балтийских правительств активного взаимодействия в обсуждении ключевого вопроса — 16-й статьи Устава Лиги Наций, которая требовала санкций в отношении государства, действовавшего вопреки Уставу Лиги, или развязавшего войну против государства — члена Лиги. М. Ильмярв отмечает, что «...эти санкции были призваны обеспечить коллективную безопасность. Система такой безопасности... предполагала солидарность и безусловное выполнение Устава каждым членом Лиги. В действительности обеспечить это не удалось» (С. 149). По мнению автора, противоречивость политики Лиги в отношении нарастающей в 1930-е г. международной агрессии привела к тому, что нейтральные страны стали искать иные способы защитить себя. В центре внимания оказалась именно 16-я статья. Среди инициаторов ее отмены выделялись страны Балтийского региона, в частности, Швеция (С. 150). Историк уделяет большое внимание анализу дискуссий по этому вопросу в Эстонии, Латвии и Литве, отмечая, что «выполнение этой статьи не было опаснее, чем ее игнорирование» (С. 177).

Значительное место в работе отведено и рассмотрению переговоров балтийских государств с Германией и СССР. Автор показывает также несомненное влияние Скандинавских стран и Польши

на принятие решений балтийскими республиками по чехословацкой проблеме. Подписание Мюнхенского договора, как подчеркивает М. Ильмярв, «имело далеко идущие последствия, одно из которых — ослабление влияния Франции и Англии на европейскую политику. ...Баланс сил в Европе сместился в пользу Германии» (С. 177). Определяя последствия Мюнхенского соглашения для стран Балтии, историк отмечает, что они сделали из сложившейся ситуации «собственные выводы: надеяться на политическую поддержку Англии и Франции больше не имеет смысла. ...После Мюнхенского договора в прибалтийских странах еще более укрепили позиции те круги, которые видели в Германии единственную антисоветскую и антибольшевистскую силу в Европе» (С. 177).

Тема нейтралитета занимает значительное место в исследованиях, посвященных «Балтийскому соседству». Руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН А. А. Комаров рассматривает ее на материале Швеции. В его статье «К вопросу о нейтралитете Швеции»⁴ проанализировано понимание шведской политики нейтралитета советской / российской стороной. Работа основана на широком круге разнообразных, преимущественно архивных, источников. А. А. Комаров обращает внимание на изменения как шведской концепции нейтралитета и ее воплощения, так и на восприятие этих изменений советской стороной.

Прослеживая эту эволюцию, автор отмечает, что «Швеция... вплоть до полосы дипломатических признаний Советского Союза странами Запада в 1924 г., играла роль своеобразного окна в Европу для молодой республики» (С. 179), а с утратой нейтрального статуса Данией и Норвегией в годы Второй мировой войны ее собственная политика также отчасти потеряла независимость, становясь все более прогерманской (С. 180).

Отмечая общее восприятие шведского нейтралитета в советский период как «прозападного», А. А. Комаров подчеркивает гибкую политику Москвы в послевоенный период, менявшуюся в зависимости от складывавшейся ситуации на международной арене (С. 182–183). И здесь, по мнению автора, особое значение имело то обстоятельство, что «...Швеция постоянно декларировала строгую приверженность своей внешнеполитической доктрине, в классическом виде сформулированной Эстеном Унденом: соблюдение политики свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны» (С. 183).

Характеризуя развитие советской внешней политики в отношении Северной Европы, А. А. Комаров отмечает значение хрущевского периода и то, что ее основы, заложенные тогда, сохранились и в последующие десятилетия: «Северная Европа в период “холодной войны” играла роль стабилизирующего фактора в глобальном противостоянии двух блоков. В центре северного геополитического равновесия находилась Швеция» (С. 183).

Автор констатирует, что с окончанием советской эпохи завершился и «почти двухсотлетний период последовательного осуществления нейтральной линии в политике Швеции. ...В новой системе международных отношений... не осталось места для политики нейтралитета на Севере Европы» (С. 188). Это сказалось и на образе Швеции в России: «Этот образ утратил важный и привычный элемент — “шведский нейтралитет”, который в период глобального противостояния двух систем преимущественно служил положительным примером» (С. 187).

Тему шведского нейтралитета и отношений Швеции и СССР в хрущевский период поднимает в своей работе и профессор-эмеритус Университета Умео (Швеция) К. Вальбек. В небольшой, но емкой статье “Peaceful coexistence? Relations between the URSS and Sweden during the Khrushchev

era (1954–1964)” / «Мирное сосуществование? Отношения между СССР и Швецией в эпоху Хрущева (1954–1964)»⁵ он рассматривает несколько проблемных областей в отношениях двух стран, которые заставляют задуматься о неоднозначности привычных стереотипов и устоявшихся концепций в трактовке данной темы, сложившихся в историографии. На конкретных примерах — впрочем, известных и российским исследователям, — ученый показывает сложные, конфликтные моменты в контактах Стокгольма и Москвы. Это, в первую очередь, попытка шведского премьер-министра Т. Эрландера в обход парламента договориться со странами — членами НАТО о военном сотрудничестве в случае войны. Автор подчеркивает, что в условиях тогдашней внешнеполитической линии Швеции это было абсолютно недопустимо. На основе анализа архивных материалов, дневниковых записей и мемуаров, дипломатических документов он показывает, как сложные вопросы внутренней и внешней политики влияли на решения лидеров соседних стран: здесь сказались и особенности отношений СССР с Финляндией (С. 191–192), и деятельность шведского дипломата Д. Хаммершёльда на посту Генерального Секретаря ООН в дни кризиса в Конго, и реакция советских властей на присуждение Б. Пастернаку Нобелевской премии, и политика Н. С. Хрущева в отношении Венгрии, ГДР, Кубы (С. 192). Особую роль сыграло «дело Р. Валленберга», ставшее испытанием в отношениях двух стран. К. Вальбек характеризует и внутрипартийное противостояние, вызванное непродуманной политикой премьера в отношениях с НАТО. Впечатляет и заключительный пример, который приводит автор, рассматривая историю шведского посла Р. Сольмана (R. Sohlman), работавшего в Москве в первые послевоенные годы (С. 194–195). Его работа и семья оказались в опасности, поскольку русская жена дипломата происходила из семьи «врагов народа». По мнению К. Вальбека, противоречия внешней политики шведских социал-демократов отражают борьбу между «их желанием выразить симпатию руководителям соседнего многострадального народа и инстинктивным недоверием к последователям Ленина» (С. 195).

Геополитические аспекты международных отношений в Балтийском регионе стали предметом анализа доктора социологических наук, руководителя Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Р. Х. Симоняна и научного сотрудника и ученого секретаря этого центра Т. М. Кочегаровой. В их статье «Россия и Евросоюз: балтийское измерение»⁶ рассмотрены основные факторы, влияющие на международное сотрудничество в регионе — исторические и современные, а также перспективы развития взаимодействия здесь европейских стран и России. Исходя из задачи модернизации, стоящей перед нашей страной, взаимодействие с объединяющейся Европой представляется авторам «жизненно необходимым» (С. 246). В западной модели развития, западных технологиях и инновационном потенциале они видят образец для России, подчеркивая необходимость адаптации западных ценностей к российским реалиям и культурному коду (С. 247). Исследователи выделяют геоэкономический фактор как доминирующий в современном глобальном развитии. С учетом социальных и демографических тенденций, характерных для европейского общества, полагают Р. Х. Симонян и Т. М. Кочегарова, Россия становится для Европы естественным и единственным «стратегическим союзником» (С. 248). Авторы видят в таком партнерстве несомненную выгоду для обеих сторон и отмечают особые преимущества России в этой ситуации: «Российскую двухконтинентальность следует рассматривать как очевидный плюс. ...Но это не менее очевидный плюс и для Евросоюза в его расширении на Восток» (С. 248). Еще одна важная особенность России, как подчеркивают исследователи, дает ей преимущество в таком сотрудничестве — «многовековой опыт мирного существования

и сотрудничества культур — православной с лютеранской, мусульманской, буддистской, иудейской» (С. 249).

Анализируя общие цивилизационные параметры западной и восточной частей Европы, Р. Х. Симонян и Т. М. Кочегарова привлекают внимание и к региональным аспектам такой общности. В Балтийском регионе они видят удачный пример такого пограничного пространства, в котором взаимовлияние и взаимопроникновение культур привело к формированию некоей общности, в характеристиках которой «региональная идентификация не противоречит этнической, но дополняет ее» (С. 253). Отмечая возрастающую роль Балтийского региона в мировых геополитических и геоэкономических процессах (С. 254), авторы подчеркивают его преимущества в экономическом плане, обеспечивающие высокий потенциал развития и сотрудничества. На примере процесса региональной интеграции в северной части региона они показывают возможность реализации политической концепции «моста», которым Балтика становится для обеих частей европейской цивилизации — западной и восточной (С. 258–259). Оценивая перспективу, авторы полагают, что «балтийский акцент способен придать высокую продуктивность этому диалогу» (С. 260). Поддерживая в целом такие оценки, следует помнить, что они даны в условиях, когда Европа и мир еще не столкнулись с серьезнейшей миграционной проблемой, а также с новыми политическими реалиями в самой Европе, такими как украинский кризис. Новые условия требуют дополнительного комплексного анализа ситуации в Балтийском регионе.

Геополитический подход стал инструментом анализа истории Балтики для профессора Шведского национального Военного колледжа Г. Оселиуса. В своей статье “The Baltic in history — geopolitical aspects” / «Геополитические аспекты истории Балтийского региона»⁷ он рассматривает основные вехи исторического пути народов, живущих здесь, обращая внимание на географический фактор в их цивилизационном и политическом развитии. Г. Оселиус отмечает двойственность положения Балтийского моря — его принадлежность Атлантическому океану и одновременно замкнутость — как фактор, придающий обществам, сложившимся на побережье Балтики, особую специфику. Проанализировав большой пласт историографии и рассмотрев историю региона со времен викингов до наших дней, автор приходит к выводу о неизбежности усиления экономического фактора в жизни балтийских наций в современную эпоху (С. 275). Г. Оселиус особо подчеркивает невозможность обойтись без сотрудничества с Россией, необходимость сближения разных стран и усиления контактов в этом регионе. По его мнению, «военная сила и военная угроза не могут быть [в этих условиях] эффективным инструментом государственной политики, хотя вооруженные силы по-прежнему остаются способом достижения авторитета в межгосударственных отношениях» (С. 275).

Сложность и противоречивость, многомерность отношений народов, соседствующих на Балтике, раскрывают многие авторы, посвятившие свои работы вопросам истории дипломатии, культурных контактов, сотрудничества в социальной сфере. Старший научный сотрудник Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН Е. Л. Назарова поднимает чрезвычайно интересную и значимую тему национальных отношений в Российской империи второй половины XIX в. В статье «Русская профессура и латышское национальное возрождение: Н. А. Попов и Ф. Бривземниекс (60-е – 80-е годы XIX в.)»⁸ она исследует особенности становления латышского национального сознания и культуры в контексте национальной политики Российской империи пореформенного периода. При этом в работе очень важна ее источниковедческая составляющая: автор анализирует письма латышского педагога и ученого, активного участника национального возрождения Фрициса

Бривземниекса к российскому историку-слависту, профессору Московского университета Нилу Александровичу Попову, возглавлявшему Этнографическое отделение Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при университете (С. 28). Е. Л. Назарова показывает, насколько значителен потенциал данных источников для исследования многих аспектов латышской национальной истории. Сбор материалов для Этнографической коллекции Исторического музея, который Ф. Бривземниекс проводил по просьбе Н. А. Попова, предоставил молодому человеку возможность в поездках по латышским землям не только знакомиться с фольклором, обычаями и традициями народа, но и вести определенную просветительскую работу. В письмах к Н. А. Попову Ф. Бривземниекс не только описывает ход работы по сбору этнографических материалов, но и делится впечатлениями и размышлениями о ситуации в латышских губерниях.

В статье освещается целый комплекс проблем: особенности положения дел в прибалтийских провинциях Российской империи, в частности в Латвии (в Курземе и Латгале); отношения русской и латышской интеллигенции в Москве; политика в сфере просвещения, проводившаяся Российским государством в национальных областях, развитие науки и образования, идейная борьба по вопросам национальной культуры. Особое внимание автора привлекают проблемы взаимоотношений латышей, прибалтийских немцев и русских, восприятия латышским населением немцев и русских и реакции разных национальных групп на политику, проводимую государством в сфере культуры и образования. Собственно, именно эти проблемы поднимает Ф. Бривземниекс в своих письмах к Н. А. Попову. В условиях нарастающего недовольства латышского населения всевластием немецких остзейских баронов и формирования национального сознания латышей проводимая российскими властями реформа народных школ и всей системы народного просвещения оказалась в центре острой борьбы (С. 33–35). Дискуссия вокруг введения новых школьных правил высветила, по мнению автора, самые трудные вопросы в отношениях империи и малых народов, среди них — проблему русификации (С. 37–40). Е. Л. Назарова показывает, что даже расхождения во взглядах на те или иные аспекты национальной культурной политики не мешали сотрудничеству Н. А. Попова и Ф. Бривземниекса. Автор приходит к выводу о том, «...что в проблеме русификации значительно больше нюансов, чем обычно отражается в историографии. В частности, необходимо более детально изучать мнения по этому вопросу в среде русской интеллигенции. Приписывать всему русскому обществу и по всем вопросам русофильские и славянофильские взгляды — значит значительно упрощать проблему» (С. 41).

Теме культурных контактов и истории искусства посвятила свою статью «О коллекциях и коллекционерах русского искусства в Латвии в конце XIX – начале XX в.» сотрудник-хранитель Фонда «Достояние национальностей» Государственной Третьяковской Галереи Т. С. Зелюкина⁹. В работе кратко, но полно обрисована история формирования коллекций полотен русских художников в латвийских музейных и частных собраниях в контексте истории становления коллекционирования произведений искусства в целом. Интерес к ним, как отмечает автор, проявлялся со стороны представителей разных национальных групп — и немцев, и латышей. Исследователь выделяет среди них отца и сына Ю. Ю. Клевер, В. Матвейса, В. Пурвитиса. Важным периодом в формировании коллекций русских художников в Латвии Т. С. Зелюкина считает период после 1917 г., когда свой вклад в музейные фонды сделали эмигранты из России. Богатая художественная и выставочная жизнь Риги, внимание ценителей живописи к самым разным направлениям в искусстве позволили сформировать интересные коллекции русского искусства. Автор отмечает влияние сложных исторических обстоя-

тельств, таких как война и сталинские репрессии, на музейное дело Латвии, что определило и непростую судьбу этих собраний. Однако она считает необходимым подчеркнуть, что и в имперский период, и в независимой Латвии межвоенного времени «искусство русских мастеров пользовалось большим вниманием широкой общественности, их произведения охотно принимались и бережно хранились в фондах латвийских музеев» (С. 50).

Тема культуры, но в дипломатии, освещена в еще одной статье данного издания — «Из истории советской культурной дипломатии в Латвии (1925–1939)»¹⁰. Ее подготовила Ю. Л. Михайлова — научный сотрудник Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН. В свете современного интереса к вопросам культурного сотрудничества и культурного влияния как составной части международной политики, проблемы, которые исследует Ю. Л. Михайлова, привлекают особое внимание. Историк констатирует, что сегодня «авторы... предлагают многофакторный подход, рассматривая феномен культурной дипломатии и как орудие государственной пропаганды, и как культурное взаимодействие между людьми помимо официальных государственных отношений». В настоящее время, как полагает автор, в изучении культурных связей СССР со странами Запада на первый план выходит именно пропагандистская составляющая» (С. 89). В статье на основе архивных источников прослежены основные этапы формирования культурной дипломатии Советского Союза в Латвии, ее направления и итоги. Инструментом в осуществлении такой политики стало, как отмечает Ю. Л. Михайлова, Всесоюзное общество культурной связи с границей (ВОКС), а также Общество культурного сближения с народами СССР, созданное в Латвии. Отмечая сложности в работе советских дипломатов в 1930-е гг., автор подчеркивает все более явную политизацию культурных мероприятий, проводившихся советским посольством и ВОКС, усилившуюся работу с представителями латвийской интеллигенции, симпатизирующими Советскому Союзу (С. 98–104). «Для многих представителей латвийской культурной и научной элиты контакты, установившиеся с ВОКС в период Первой республики, активное участие в работе Общества культурного сближения с СССР определили их политическую, научную или художественную карьеру после включения Латвии в состав СССР», — заключает Ю. Л. Михайлова (С. 104).

В период независимости молодых прибалтийских стран дипломатические контакты с ними устанавливаются не только светские государства, но и Ватикан. Этой малоизученной теме уделили внимание руководитель Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН Е. С. Токарева и А. А. Комаров, возглавляющий Центр истории Северной Европы и Балтии того же института. В статье «Ватикан и Эстония: от признания Святым Престолом молодой республики до установления дипломатических отношений (1921–1933)»¹¹ ими воссоздана картина постепенного расширения контактов Ватикана с Эстонией — страной, где католиков было совсем незначительное число. Процесс этот увенчался установлением дипломатических отношений. Ценность данного исследования состоит не только в том, что авторы всесторонне охарактеризовали условия формирования этих межгосударственных контактов, религиозную ситуацию в Эстонии, трудности переговоров, религиозную политику эстонского правительства. Не менее важно и то, что для анализа данных проблем привлечены источники ряда фондов Тайного Архива Ватикана, часть из которых впервые введена в научный оборот (С. 76–77). К ним относятся письма и отчеты представителей Святого Престола в прибалтийских государствах, официальная переписка с Ватиканом, документы, отражающие переговоры церковных лиц с представителями правительства Эстонии. Поднятая Е. С. Токаревой и А. А. Комаровым тема, несомненно, привлечет внимание новых исследователей.

Страны Балтийского региона, в особенности Скандинавские государства, известны своей гуманитарной и социальной работой, которая приняла широкие масштабы. Эту интереснейшую тему рассматривает в своей статье «Армия спасения в России. Опыт международного гуманитарного сотрудничества (1913–1922)» доктор исторических наук О. В. Чернышева — ведущий научный сотрудник-консультант Центра истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН¹². Судьба Армии спасения в России была трудной, организация столкнулась здесь с такими препятствиями, что даже открытия здесь своего представительства ей пришлось добиваться несколько лет. Автору удалось в полной мере показать условия, в которых развивалась деятельность Армии спасения на протяжении всего периода ее работы в России — с 1913 по 1922 гг., осветив при этом и более ранний, подготовительный этап в ее российской истории. В качестве одного из важнейших факторов, мешающих проникновению Армии спасения в Российскую империю, О. В. Чернышева видит роль православной церкви в русском обществе: нежелательность для российских властей конфликта православия и «новой христианской секты» подчеркнула во время встречи с основателем организации У. Бутсом вдовствующая императрица Мария Федоровна (С. 54). Последовательно рассматривая деятельность Армии спасения в России на разных ее этапах, автор отмечает, что она совпала с самыми трагическими страницами в истории страны — начавшись с Первой мировой войной, а завершившись в год, когда молодая Российская республика только выходила из периода революций и гражданского противостояния. Именно в это тяжелое время оказалась востребована и принята общественностью (но не всегда — властями) помощь иностранных благотворителей. На основе анализа мемуарной литературы, документов шведского отделения Армии, члены которого развернули работу в Финляндии и России, О. В. Чернышева показывает самоотверженную деятельность активистов-спасенцев в невероятно сложных условиях российской действительности эпохи войн и революций. Она привлекает внимание к ряду вопросов, каждый из которых мог бы стать предметом отдельного исследования. Среди них отметим лишь некоторые: взаимодействие Армии спасения с Русской православной церковью и другими религиозными общинами; сложные отношения с властью и государственными органами — от имперских учреждений до большевистского правительства; специфика работы в России; структура и формы деятельности организации; судьбы ее отдельных членов и другие. Они еще ждут своих исследователей.

В изучении международных связей одной из наиболее сложных и при этом значимых тем является проблема взаимного видения, восприятия разными народами друг друга. В современной науке исследования такого рода очень востребованы. Они, как правило, имеют междисциплинарный характер. Несколько таких работ представлены и в рецензируемом издании.

Статья профессора Университета Тромсё (Норвегия) Й.-П. Нильсена “Murmanstroyka and the Idea That the Russian Tzar Needed an Ice-free Harbour in North-Norway” / «Мурманстройка и идея о том, что российскому царю нужен незамерзающий порт в Северной Норвегии»¹³ вскрывает истоки одного из укоренившихся в норвежском общественном сознании русофобских мифов. Автор обращается к истории строительства Мурманской железной дороги, начатого в 1916 г.: его интересует, как это событие повлияло на изменение восприятия российской внешней политики норвежским обществом. Международная ситуация, таким образом, рассматривается историком через призму менталитета: символические границы, существующие в сознании народов, могут влиять на реальные, а реальные, государственные границы — трансформироваться в сознании людей в образы и стереотипы, разделяющие соседние народы так же надежно (С. 68–69).

По мнению Й.-П. Нильсена, русофобия, появившаяся в XIX в. в Европе как часть формирования более широкого образа «другого» — азиата, «варвара», «не-европейца», — позволила норвежской элите возвести символическую, и достаточно враждебную границу с Россией, а государственную, реальную границу, укрепить. Историк полагает, что такой выбор стал для молодой норвежской нации, обретающей внутреннюю независимость, своего рода необходимым условием того, чтобы найти свое место среди европейских цивилизованных народов (С. 69).

Й.-П. Нильсен подчеркивает, что идеи русофобии пришли в Норвегию из Британии и Франции, и были восприняты здесь элитой, в то время как простые жители северных провинций страны имели с русскими хорошие отношения, которые родились в ходе так называемой поморской торговли (С. 69–70). Однако антирусские настроения правящих кругов Норвегии в XIX в. получили именно северную направленность, поскольку с этими территориями элита королевства связывала «русскую угрозу». Норвежцы были убеждены, что Россия лелеет мечту иметь незамерзающий порт на Севере, и, в силу отсутствия подходящих гаваней в своих северных областях, готова захватить их у скандинавского соседа (С. 70). Автор указывает, что присоединение к Российской империи в результате войны 1808–1809 гг. Финляндии было воспринято норвежскими общественными кругами как подтверждение стремления России к установлению контроля над Арктическими морями и Атлантикой не только на востоке, но и на западе (С. 71).

Подобные идеи доминировали в Норвегии на протяжении почти всего XIX в. и в начале XX столетия. Лишь в 1916 г., с началом строительства Мурманской железной дороги и освоения побережья Кольского залива, — подчеркивает автор, — к норвежской общественности пришло осознание того, что в действительности планы приобретения норвежского незамерзающего порта в одной из подходящих гаваней, приписываемые царизму, никогда не существовали (С. 74).

Тему восприятия «другого» продолжила шведский исследователь, профессор Университета Сёдертерн Х. Карлбек. В статье «Представления шведов о России — впечатления последнего столетия» / “Swedish images of Russia — glimpses from the past hundred years”¹⁴ она проследила эволюцию образов России в глазах шведского общества в XX столетии. Работа подготовлена на материалах разнообразных по характеру источников — от мемуарной литературы, записок путешественников, заметок журналистов, прессы, до данных опросов общественного мнения и официальных правительственных документов. Однако ее ценность состоит и в том, что историк проанализировала и историографический аспект темы, а также провела ее методологический анализ. Автор отмечает, что источники 1920-х гг. показывают весьма оптимистическое восприятие шведами новой российской действительности: шведы активно уезжали в Россию, чтобы работать здесь, присоединяясь к уже значительной по численности общине «русских шведов» (С. 204). Их привлекала новая экономическая политика Советского правительства; более того, Х. Карлбек подчеркивает, что шведские предприниматели видят в России широкое «поле для деятельности» и даже для реализации своей «цивилизационной миссии» (С. 205).

В 1930-е гг. шведский бизнес ушел из Советского Союза — изменились условия, закончилась эпоха НЭПа. Но внимание шведской общественности в новых условиях было приковано к грандиозному эксперименту, который разворачивался в соседней стране — шведы восприняли социалистическое строительство как «альтернативный путь» развития общества, и заинтересованно наблюдали за всем, что происходило в социальной сфере. Автор выделяет несколько направлений, привлекавших

их особое внимание: реформы модернизации, изменения на рынке труда (С. 206); жилищное строительство, в том числе возведение общественного (государственного) жилья с подготовленной инфраструктурой, брачно-семейное законодательство, поддержка детства и материнства (С. 207) и др. В эпоху, когда в Швеции формировалась реформаторская политика социал-демократов, советский опыт оказался востребован. При этом и в 1920-е, и в 1930-е гг. с Россией ассоциировали и угрозы.

Интерес к советской общественной системе у шведов не исчез, как отмечает Х. Карлбек, и в последующие годы, однако акценты при этом сместились. В 1960-е – начале 1970-х гг. внимание было приковано к гендерной политике советского правительства и положению женщин в стране (С. 209–210).

В целом, — заключает Х. Карлбек, представления шведов о России отражают их интерес к самим себе и их ценностные приоритеты: современные шведы более склонны воспринимать Россию как страну, не похожую на шведское общество в цивилизационном плане, а значит, не соответствующую «норме» — шведской, европейской и западной (С. 211).

Под иным углом зрения тему «другого» подает профессор-эмеритус Стокгольмского университета К. Мулин в статье “Making sense of the Polish Crisis” / «Основная суть польского кризиса»¹⁵. Написанная на богатом материале дипломатических источников и периодических изданий, она раскрывает пути формирования представлений о «другом» — в данном случае — польском обществе — в период серьезных социальных конфликтов и масштабных трансформаций. Автор отмечает противоречивость в оценках польских событий шведскими дипломатами, их изменчивость, а иногда и рискованность (С. 200).

Особый интерес представляют статьи, посвященные отношениям России с республиками Прибалтики в составе СССР. Профессор Э. Екабсонс (Латвийский университет) в статье «Латыши в руководстве Красной Армии и Народного комиссариата внутренних дел СССР (1921–1938)»¹⁶ анализирует известный исторический феномен, поставив перед собой задачу на основе имеющихся сведений «дать более полное представление о данной социальной и профессиональной группе этнических латышей в СССР» (С. 106). В статье рассмотрены все основные аспекты темы: предпосылки и условия прихода латышских военных в Красную Армию, уровень их подготовки, продвижение по службе, распределение по регионам; достижения. Систематизированы также сведения о военных учреждениях, где проходили службу, учились или преподавали латыши. Автор проследил судьбу многих военных и обобщил огромный пласт данных. Особую ценность работе придает приложение — список латышей, занявших старшие командные должности в самый сложный период советской предвоенной истории — 1935–1938 гг. в нем сведены воедино все известные данные о судьбе латышских командиров.

В статье «Российская оппозиция и национальные движения Прибалтики (1988–1989)»¹⁷ руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии ИВИ РАН А. В. Шубин рассматривает сложные вопросы зарождения прибалтийской оппозиции, ее первых контактов с российскими представителями либерального движения перестроечной эпохи. В небольшой работе автору удалось осветить многие аспекты поднятой темы — развитие национальных движений в Латвии, Литве и Эстонии; разнообразие их идеологических течений и организационных форм; основные дискуссионные вопросы; взаимодействие друг с другом и с российскими коллегами, а главное — формирование программных требований оппозиции и трансформацию разрозненных организаций в единое движение. Анализи-

руя эволюцию настроений оппозиции в прибалтийских республиках, автор приходит к выводу: «Пока центр сохранял рычаги воздействия на ситуацию в республиках, они должны были давить на него, прощупывать движения в направлении расширения автономии, превращения СССР в конфедерацию. Лидеры национальных движений в отличие от 1988 г. после выборов 1989 г. уже выдвигали цель независимости от СССР» (С. 217).

Тему продолжает профессор Таллинского университета Р. Руутсоо — в статье «Декларация “О суверенитете Эстонской ССР”¹⁸ и фронт республик Балтии против Кремля» он раскрывает другую сторону оппозиционного процесса в Прибалтике — взаимодействие представителей оппозиции, государственных структур и компартий в попытке выработать общую платформу для противостояния Москве. В центре внимания автора — процесс консолидации оппозиционных сил Эстонии, которая выдвинула инициативу самостоятельности республики, введения республиканского суверенитета, а также самостоятельного управления экономикой (С. 243). В отличие от Литвы и Латвии, Эстония пошла по пути отстаивания своих требований до конца, выдвинув в итоге Декларацию о суверенитете. Автор задается вопросом: почему Эстонии удалось провести через Верховный Совет декларацию о независимости, а в Литве и Латвии — нет? (С. 227). Причины этого Р. Руутсоо видит прежде всего в консолидации элиты республики, а затем и всего общества в борьбе за свои права: «В Эстонии политическая мобилизация национальных сил опережала соседей на год-два. Структура протестных движений была многосторонней и укоренилась на очень многих уровнях. ...Суть политэкономических и природоохранных требований подкреплялась требованиями, носившими общенациональный и общедемократический характер, что сглаживало национальную окраску» (С. 243).

К историографическим аспектам «образа другого» обращается в своей работе профессор Латвийского университета Г. Страубе. В статье «Завоеватели — плохие / хорошие? Анализ латвийской историографии»¹⁹ он рассматривает отношение историков, территориально связанных с Латвией, к завоевателям, сосредоточившись на периоде с XVI до конца XIX вв., когда латвийские земли в разное время находились под властью Речи Посполитой, Швеции и Российской империи. Завоевание балтийских территорий Г. Страубе определяет как составную часть «борьбы на балтийское господство» (С. 269). Внимание автора обращено на прибалтийско-немецкую и латышскую, в том числе советскую, историографию. Он отмечает несомненную значимость политического, национального и конфессионального факторов в оценках темы историками и очевидные «негативные характеристики каждого из трех завоевателей». Вместе с тем, Г. Страубе подчеркивает, что историки видели и «положительные моменты в период каждого господства» (С. 270). Меньше всего таких моментов в польском периоде. В «шведском столетии» выделяют благоприятное воздействие реформ судебной системы и образования. А вот в отношении российского периода, отмечает автор, существуют самые разные, вплоть до противоположных, точки зрения. Здесь особенно заметно влияние политических взглядов историков на их выводы. Г. Страубе отмечает наметившуюся тенденцию к более объективной оценке политики империи в прибалтийских землях, ссылаясь, в частности, на анализ проблемы, вызывающей постоянные дискуссии и негативные оценки — положение крестьянства, — проведенный эстонским историком Юханом Какка. В своей монографии «Крестьянин и барон в Прибалтике»²⁰, — подчеркивает автор, — он доказывает, что положение крестьян было не так уж плохо (С. 269). В целом статья Г. Страубе дает читателю интересную пищу для размышлений и перспективы для работы по данной проблеме.

В завершающем сборнике материалы профессор Университета Сёдертерн (Швеция) Х. Дросте поднимает давно назревший вопрос о преподавании истории региона. В его статье "Teaching Baltic Sea History. A Book Project" / «Преподавание истории Балтийского моря. Проект учебного пособия»²¹ проблема рассматривается более широко. Автор предлагает координацию уже действующих в разных университетах региона учебных программ и разработку новых. Однако наиболее важным направлением работы он считает создание совместного учебного пособия, в котором общие характеристики превалявали бы над национальными. В качестве одного из таких общих параметров исторического развития региона Х. Дросте называет Ганзейский союз и его влияние на балтийские страны. Несомненно, такой подход и инициированный в его рамках совместный проект самым благоприятным образом повлияли бы на сотрудничество университетов региона и подготовку новых кадров.

Представленный сборник является лишь первым из задуманных авторами в рамках проекта «Балтийское соседство». Но уже в нем участникам удалось показать все разнообразие тем, богатство проблематики, сложность дискуссионных вопросов, неоднозначность оценок в избранном ими исследовательском поле.

¹ Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. / Отв. ред. А. А. Комаров. М.: ЛЕНАНД, 2014. 304 с.

² *Рогинский В. В.* Изменение политической карты Балтийского региона в эпоху Наполеоновских войн // Балтийское соседство. С. 18–27.

³ *Ильмярв М.* Кризис в Чехословакии и страны Балтии в 1938 г. // Там же. С. 148–177.

⁴ *Комаров А. А.* К вопросу о нейтралитете Швеции // Там же. С. 178–188.

⁵ *Вальбек К.* Peaceful coexistence? Relations between the URSS and Sweden during the Khrushchev era (1954–1964) // Там же. С. 189–195.

⁶ *Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М.* Россия и Евросоюз: балтийское измерение // Там же. С. 246–260.

⁷ *Оселиус Г.* The Baltic in history — geopolitical aspects / Геополитические аспекты истории Балтийского региона // Там же. С. 271–275.

⁸ *Назарова Е. Л.* Русская профессура и латышское национальное возрождение: Н. А. Попов и Ф. Бривземниекс (60-е – 80-е годы XIX в.) // Там же. С. 28–41.

⁹ *Зелюкина Т. С.* О коллекциях и коллекционерах русского искусства в Латвии в конце XIX – начале XX в. // Там же. С. 42–50.

¹⁰ *Михайлова Ю. Л.* Из истории советской культурной дипломатии в Латвии (1925–1939) // Там же. С. 88–104.

¹¹ *Токарева Е. С., Комаров А. А.* Ватикан и Эстония: от признания Святым Престолом молодой республики до установления дипломатических отношений (1921–1933) // Там же. С. 75–87.

¹² *Чернышева О. В.* Армия спасения в России. Опыт международного гуманитарного сотрудничества (1913–1922) // Там же. С. 51–67.

¹³ *Нильсен Й.-П.* Murmanstroyka and the Idea That the Russian Tzar Needed an Ice-free Harbour in North-Norway / Мурманстройка и идея о том, что российскому царю нужен незамерзающий порт в Северной Норвегии // Там же. С. 68–74.

¹⁴ *Карлбек Х.* Представления шведов о России — впечатления последнего столетия / Swedish images of Russia — glimpses from the past hundred years // Там же. С. 201–211.

¹⁵ Мулин К. Making sense of the Polish Crisis / Основная суть польского кризиса // Там же. С. 196–200.

¹⁶ Екабсонс Э. Латыши в руководстве Красной Армии и Народного комиссариата внутренних дел СССР (1921–1938) // Там же. С. 105–147.

¹⁷ Шубин А. В. Российская оппозиция и национальные движения Прибалтики (1988–1989) // Там же. С. 212–219.

¹⁸ Руутсоо Р. Декларация «О суверенитете Эстонской ССР» и фронт республик Балтии против Кремля // Там же. С. 220–245.

¹⁹ Страубе Г. Завоеватели — плохие / хорошие? Анализ латвийской историографии // Там же. С. 261–270.

²⁰ Калк Ж. Bauer und Baron im Baltikum. Tallinn, 1999.

²¹ Дросте Х. Teaching Baltic Sea History. A Book Project / Преподавание истории Балтийского моря. Проект учебного пособия // Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. С. 276–282.

Ильичева М. Б. Рецензия на сборник «Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.» // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 267–280.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия); maria_ilitcheva@mail.ru

Ilicheva M. B. Review on: “Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.”

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia); maria_ilitcheva@mail.ru

REFERENCES:

¹ *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.*, Ed. A. A. Komarov (Moscow, 2014).

² Roginsky V. V. ‘Izmenenie politicheskoi karty Baltijskogo regiona v epokhu Napoleonovskikh vojn’ in *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

³ Ilmjärvi M. ‘Krizis v Chechoslovakii i strany Baltii v 1938 g.’ in *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁴ Komarov A. A. ‘K voprosu o neitralitete Shvetsii’ in *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁵ Wahlbäck K. ‘Peaceful coexistence? Relations between the URSS and Sweden during the Khrushchev era (1954–1964)’ in *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁶ Simonian R. Kh., Kochegarova T. M. ‘Rossija i Evrosojuz: baltijskoje izmerenie’ in *Baltijskoje sosedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁷ Åselius G. 'The Baltic in history – geopolitical aspects' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁸ Nazarova E. L. 'Russkaja professura i latyšskoje natsionalnoje vozrozhdenie: N. A. Popov i F. Brivzemnieks (60-e – 80-e gody XIX v.)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

⁹ Zeljukina T. S. 'O kollektisjakh b kollektionerakh russkogo iskusstva v Latvii v kontse XIX – nachale XX v.' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁰ Mikhailova Yu. L. 'Iz istorii sovetskoj kulturnoi diplomatii v Latvii (1925–1939)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹¹ Tokareva E. S., Komarov A. A. 'Vatikan i Estonia: ot priznanija Svjatym Prestolom molodoj respubliki do ustanovlenija diplomatičeskikh otnošenij (1921–1933)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹² Chernyševa O. V. 'Armija spasenija v Rossii. Opyt mezhdunarodnogo gumanitarnogo sotrudničestva (1913–1922)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹³ Nielsen J. P. 'Murmanstroyka and the Idea That the Russian Tzar Needed an Ice-free Harbour in North-Norway' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁴ Carlböck H. 'Swedish images of Russia – glimpses from the past hundred years' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁵ Molin K. 'Making sense of the Polish Crisis' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁶ Jėkabsons Ē. 'Latyšy v rukovodstve Krasnoj Armii i Narodnogo komissariata vnutrennikh del SSSR (1921–1938)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁷ Shubin A. V. 'Rossijskaja oppozitsija i natsionalnye dvizenija Pribaltiki (1988–1989)' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁸ Ruutsoo R. 'Deklaratsija "O suverenitete Estonskoj SSR" I front respublik Baltii protiv Kremlja' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

¹⁹ Straube G. 'Zavojevateli – plokhie / khoroshije? Analiz latvijskoj istoriografii' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).

²⁰ Kahk J. *Bauer und Baron im Baltikum* (Tallinn, 1999).

²¹ Droste H. 'Teaching Baltic Sea History. A Book Project' in *Baltijskoje sosjedstvo: Rossija, Shvetsija i strany Baltii na fone epokh i sobytij XIX–XXI vv.* (Moscow, 2014).